

А. В. Шевцов

РОССИЙСКАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48

Статья посвящена интерпретации положений теории рационального выбора современными российскими политическими социологами и политологами. Используются материалы российских научных и ученых изданий, российской профессиональной прессы. Автор рассмотрел основные подходы к проблеме рациональности избирателя, отдельные объяснительные схемы, построенные с применением данного подхода. Обозначены дилеммы и парадоксы, возникающие при использовании данной теории на материалах российского избирательного процесса. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: электоральная социология, политические выборы, теория рационального выбора, объяснительная схема, избирательный процесс.

RUSSIAN ELECTORAL SOCIOLOGY AND RATIONAL CHOICE THEORY

A. V. Shevtsov

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, nab. r. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

The article is devoted to the interpretation of the provisions of the rational choice theory of modern Russian political sociologists and political scientists. We use materials of the Russian scientific and academic editions, Russian professional press. The author reviewed the main approaches to the problem of rationality of voters, some explanatory schemes constructed using this approach. The article highlights some of the dilemmas and paradoxes arising from the use of this theory using the materials of the Russian electoral process. Refs 13.

Keywords: electoral sociology, political elections, rational choice theory, an explanatory diagram of the electoral process.

Рационализм избирателя представляет собой некую «квадратуру круга», над которой бьются теоретики социального знания, стремящиеся выстроить объяснительные схемы электорального поведения. Причем вполне очевидный ответ о сочетании в мотивации конкретного избирателя рациональных и иррациональных элементов порождает новые вопросы о «доле/мере» этих элементов и способах их сочетания.

Не претендуя на выведение собственного варианта решения «вечного вопроса», автор данной статьи ограничивается общим обзором позиций, высказанных современными отечественными политическими социологами и политологами, с обозначением некоторых дилемм и парадоксов.

По мнению А. С. Ахременко, в самом общем виде пространственное моделирование электорального выбора можно представить как процедуру соотнесения политических позиций партий/кандидатов с политическими позициями избирателей. Обе позиции изображаются как объекты в n -мерном политическом пространстве. Измерениями последнего в классической модели выступают вопросы политической повестки дня и/или общие идеологии (левые — правые, консерваторы — либералы и т. д.), а в неклассической — шкалы интенсивности поддержки об-

щих идеологий и/или конкретных политических курсов. Ориентированное на объяснение и прогнозирование результатов голосования в конкретных электоральных системах, пространственное моделирование строится на четко эксплицированном концептуальном фундаменте, затрагивающем принципиальные проблемы политической теории, прежде всего проблему электорального (и, шире, политического) выбора как такового, его механизмов, мотивации и т. д. [1, с. 153].

Соответственно, теория рационального выбора, недаром называемая также позитивной политической теорией, ориентируется на принципы естественных наук и математики: совокупность простых аксиоматических положений — теоремы — сложные теоретические конструкции — формирование гипотез (предположений) дедуктивным способом — сопоставление гипотез с фактами эмпирической реальности — подтверждение или опровержение теории — в последнем случае создание новой теории.

Аксиомой («ключевым концептом») является утверждение о рациональности индивида. Считается, что, выстраивая свое поведение, индивид выбирает из нескольких альтернатив, руководствуясь собственными предпочтениями. Другими словами, индивид способен ранжировать альтернативы с точки зрения своих предпочтений. Важной чертой позитивной теории является методологический индивидуализм, т. е. представление о том, что коллективные социальные решения можно смоделировать путем агрегирования решений индивидуальных. Теория рационального выбора принимает во внимание случайный компонент в индивидуальном поведении, но исходит из того, что интегрально социальные системы ведут себя как коллективные рациональные сущности (с определенной погрешностью, связанной с отдельными индивидуальными отклонениями от рациональности) [1, с. 154–155].

Именно рационализм западного избирателя всячески подчеркивается российскими исследователями. Так, В. Ф. Ковров выделил следующие требования: решение проблем качества жизни, окружающей среды, прав женщин, национальной безопасности. Причем, по его мнению, происходит снижение влияния долгосрочных факторов на формирование политических предпочтений и усиление влияния факторов краткосрочных (например, вариантов решений по конкретным проблемам). «Исходя из вышеизложенных фактов, можно сделать вывод, что повышается роль теории рационального выбора в объяснении электорального поведения населения стран западной демократии и происходит снижение значения влияния социологической и социально-психологической теорий» [2, с. 109].

Причем попытки сконструировать оригинальные методологические конструкции в духе столь популярных идей «информатизации» общественной жизни приводят к появлению все тех же разновидностей данного подхода. Просто упор делается не на рыночной экономической составляющей («выход из системы» — воля, реализуемая в расчетливости), а на составляющей информационной («вход в систему» — знание, основанное на индивидуальном отборе и обработке информации).

Так, Г. В. Пушкарева указывает, что в политологии, наряду с традиционными основными теоретико-методологическими подходами к изучению электорального поведения (социологическим, социально-психологическим и рационального выбора), образуется новый — когнитивный, основывающийся на принципе интегра-

ции информационного влияния окружающей среды и когнитивных способностей индивида (в первую очередь — на работе человека с информацией политического характера).

Модель базируется на трех поддающихся операционализации и эмпирически верифицируемых положениях: 1) человек может делать электоральный выбор только в информационной среде, в которой представлены различного рода сообщения; 2) человек должен обладать определенной «внутренней информацией» — интериоризированными в ходе политической социализации знаниями и предъявлениями; 3) существуют особые когнитивные механизмы «стыковки» внешней и внутренней информации, которые обеспечивают восприятие, понимание, оценку поступающей информации [3, с. 122–123].

Такой взгляд хорошо соотносился с идеями «деидеологизации» времен перестройки и революции 1991 г. Советский иррационализм должен был смениться быстрой рационализацией «обновленного» российского избирателя. Как отмечали Н. А. Сысоева, А. В. Новокрещенов и А. З. Фахрутдинова, «общая методология исследования электорального поведения связана с выявлением и критическим анализом модели избирателя, неявно присутствовавшей в классической теории демократии. С точки зрения последней избиратель — это лицо, свободно осуществляющее свой выбор на основе достоверной и полной информации о политических лидерах, их программах и адекватно оценивающее последствия своего выбора для себя лично и общества в целом. Такое, прямо скажем, наивное представление об избирателе формировалось и в российском общественном сознании в конце 80-х — начале 90-х годов, когда само слово “демократия” представляло собой некую тайну. Очевидно, эта модель достаточно уязвима при сопоставлении с реальностью. Первое, что бросается в глаза, — это абсолютизация момента свободы и явное преувеличение способности человека к рациональному познанию и действию. Подобная модель легко подвергается критике с позиций социологии, ибо детерминация человеческого поведения на основе объективных факторов обнаруживает ограниченность человеческой рациональности» [4, с. 12].

Волна революционных преобразований в странах Варшавского блока конца XX в. в рамках так называемого «демократического транзита» базировалась на специфическом рационализме, сходном с коммунистическим рационализмом начала-середины того же века. Необходимо было отказаться от сиюминутных выгод современного социального положения, пережить кардинальные издержки «шоковой терапии» в надежде на баснословные выгоды, которые будут предложены формирующимися либерально-рыночными структурами.

Разумеется, с точки зрения представителей теории рационального выбора, ориентирующихся на краткосрочные выгоды и издержки, это был иррациональный «утопический абсурд». Как отмечали исследователи из г. Благовещенска, «некоторым специалистам по электоральному поведению в посткоммунистическом мире выбор “экономической” теории голосования представляется наиболее разумным. Одна из проблем, связанная с применением такого подхода, состоит в том, что первая фаза экономических реформ в Восточной Европе практически повсеместно сопровождалась ухудшением положения в экономике и падением уровня жизни населения, однако электоральный успех часто сопутствовал поборникам продолжения или даже радикализации преобразований» [5, с. 12].

В свете «отложенной рациональности» оппозицией «рациональному» выступает «протестное», как эмоциональная по своей природе реакция на долгосрочные издержки. Особенно часто в России эта объяснительная схема воспроизводилась сразу после «большого конфуза» декабря 1993 г. Так, ученые Института комплексных социальных исследований (Россия) и Карлтонского университета (Канада) провели опрос с целью изучения социально-демографической структуры электората ЛДПР и пришли к выводу, что «поведение избирателей зависит от усвоенных ими идеологических догм, а не от осознания собственных реальных интересов» [6, с. 126].

И. Михайловская и Е. Кузьминский успех ЛДПР и КПРФ объясняли в первую очередь неразвитостью отношений собственности, которая не только порождает атомизацию общества, тормозит процесс его социального структурирования, но и препятствует осознанию людьми их подлинных, а не мнимых интересов [7, с. 13–14].

Поэтому именно рационализм «состоятельных и успешных», не верящих в реализацию оптимистических обещаний, зачастую влиял на рост абсентеизма: «Чем больше в регионе доля городского русского населения трудоспособного возраста и чем выше там благосостояние жителей, тем ниже будет явка на выборы» [8, с. 123].

Впрочем, по большому счету, ничего специфического в случае с посткоммунистической Россией нет. Приведем в качестве примера достаточно стабильную западноевропейскую политическую систему. По мнению французских специалистов, России и Франции присуще немало общих черт. К их числу относятся, в частности, рост абсентеизма и протестного голосования, а также несбалансированность политического спроса и предложения [9, с. 180].

Интересные соображения по поводу парадокса «абсентеизм — рационализм» возникают при анализе электорального поведения женщин. Ведь, по мнению исследователей, в России существует устойчивая разница (разрыв) в 6–20% в электоральных предпочтениях мужчин и женщин [10, с. 60].

Причем наблюдается сравнительно высокая электоральная активность женщин, которые в целом интересуются политикой намного меньше, чем мужчины. Объясняется этот парадокс следующим образом:

1) российские граждане еще в советские времена привыкли воспринимать участие в выборах как свою обязанность перед государством. Поскольку женщины меньше, чем мужчины, погружены в поток актуальной политической информации, «приучающий» избирателя к новым «правилам игры» в политическом пространстве, и, кроме того, в большей мере склонны к воспроизводству установок, сформировавшихся в советские времена, постольку они чаще следуют сложившемуся в прошлом стереотипу политического поведения, предписывающему дееспособным гражданам неукоснительно являться к избирательным урнам. В этом, помимо прочего, проявляется и более почтительное отношение к государству, свойственное российским женщинам;

2) женщины склонны к несколько более эмоциональному, аффективному восприятию выборов, чем мужчины. Сравнительно высокая электоральная активность женщин частично объясняется тем, что и подобные тревоги, и надежды на перемены к лучшему являются более действенными стимулами к участию

в голосовании, нежели «спокойствие» и «безразличие», которые в предвыборной ситуации чаще демонстрировали мужчины [11, с. 172–174].

Разумеется, при построении объяснительных схем электорального поведения «рациональное» и «иррациональное» выступают если не в качестве равнозначных, то уж, во всяком случае, в качестве сопоставимых составляющих. Приведем только два примера.

По мнению В.З.Измайлова, субстанциональной характеристикой электорального поведения является мотивация, включающая две различные по своей природе составляющие: 1) субъективно-рациональную — ценностно-мировоззренческие, политико-идеологические и даже рационально-научные образования; 2) аффективно-эмоциональную — бессознательные психические аффекты и реактивные состояния, эмоциональные предпочтения, экспектации (ожидания) и даже иррационально-психологические элементы.

В структуре мотивации выделяются два своеобразных архетипа, позволяющих использовать суггестивные технологии.

1. Дивергентный — фиксирует бинарное отношение «полиморфная партия» — «мономорфная электоральная группа». В этом случае различные социальные слои избирателей характеризуются ярко выраженным одним доминирующим признаком. Они апеллируют к тому электоральному объединению, чей образ имеет несколько существенных равноценных характеристик, что обеспечивает этой партии возможность гибкого маневра между политико-мировоззренческими интересами различных групп избирателей. На практике поддержка партий с таким имиджем заставляет однородные группы выступать в различных политико-идеологических образах, поскольку представляющее их электоральное объединение ориентировано на различные роли в предвыборной конкуренции.

Разновидности архетипа: а) «сильный слой» (отчетливо ориентированный на социальное доминирование) — слой избирателей, склонных самостоятельно принимать решения и брать на себя ответственность за свое положение, поддерживает гибкую, многоролевою партию; б) «слабый слой» (избиратели, склонные к социальному конформизму, избегающие ответственности и принятия решений) поддерживает «сильную», но достаточно терпимую в политико-идеологическом плане плюралистичную партию.

2. Конвергентный — фиксирует бинарное отношение «мономорфная партия» — «полиморфные группы избирателей», т. е. цельное, однородное, с явным преобладанием одной характеристики электоральное объединение поддерживается макрогруппами избирателей, которые сочетают несколько равноценных отличительных характеристик по различным параметрам.

Разновидности: а) «слабый агрессивный» / «слабый демократический» слой, ориентированный на социальный конформизм, поддерживает партию с «сильным» образом, партию-лидера, бескомпромиссного борца за прокламируемые идеологические приоритеты; б) «сильный агрессивный» / «сильный демократический» социальный слой поддерживает «сильную» партию.

На практике эти «чистые типы» по-разному реализуются в конкретных избирательных кампаниях. Как отмечает автор, в России «дивергентный архетип в большей мере характеризует деятельность партий реформаторского типа, тогда

как национал-патриоты и коммунисты чаще формируют свои отношения с избирателями по конвергентному архетипу» [12, с. 154–158].

И. В. Охременко, позиционирующий себя как сторонник экспрессивных теорий (социологической и социально-психологической), видит их преимущество в том, что они объясняют то обстоятельство, которое сторонники «политического рынка» воспринимают как само собой разумеющееся: «Почему граждане вообще приходят на избирательные участки?» В рамках качественно-количественного анализа электорального поведения эти осознанные и неосознанные мотивы переводятся в систему «критерии–показатели»:

- интерес к выборам (критерий) — знание законодательства о выборах; знакомство с биографиями и программами кандидатов; участие в предвыборных мероприятиях; знакомство с информацией СМИ (показатели);
- компетентность выбора (критерий) — знание законодательства о выборах; знание политической ситуации; знание программных положений партии; информированность о предвыборной кампании; политическая активность (показатели);
- отношение населения к политическим институтам общества (критерий) — демократичность проведения выборов; степень свободы действия; социально-классовая принадлежность избирателей (показатели);
- ответственность избирателей (критерий) — степень гражданского долга избирателей; иерархия выбираемого органа представительной власти в политической системе страны (показатели).

В социально-политической плоскости учитывают следующие факторы, оказывающие решающее значение на характер электорального поведения:

- объективные: социальное происхождение избирателей; социальная принадлежность тех или иных групп избирателей (их социально-экономический статус); социальное окружение (влияние неформальных и формальных групп); пол, возраст избирателей; национальный состав избирательного корпуса; религиозность; внутренняя и внешняя политическая обстановка страны; географические условия;
- субъективные — специфика политической культуры, манипуляторское воздействие партий и организаций, выражающих их социальную и политическую стратегию; психологическое давление СМИ [13, ч. 1, с. 40–43].

* * *

Перечитав составленный текст, автор данной статьи, долго не мог определить с выводами. Уж слишком тривиальными казались формулируемые положения. Однако для придания большей актуальности статье рискнем выдвинуть несколько тезисов, с которыми, возможно, не согласится значительная часть читателей.

1. Дилемма «рациональность — иррациональность» избирателя носит достаточно надуманный характер. 2. Политические выборы имеют достаточно отдаленное отношение к экономическим рыночным отношениям, и аналогии между ними приходится сопровождать весьма серьезными оговорками. 3. Российский избиратель не проявлял особой иррациональности в свете постреволюционного «отложенного спроса» и достаточной сомнительности самого продукта, предложенного «франшизами» Е. Т. Гайдара и Б. Н. Ельцина (сомнительные «аналоги»

весьма популярных западных брендов). 4. Выбор ЛДПР В. Ф. Жириновского вполне рационален в нише товаров «эконом-класса», особого иррационализма здесь усмотреть нельзя. Недаром данный товар до сих пор продается, не меняя названия. А сколько раз пришлось менять «марку» сторонникам шоковой терапии и дикой приватизации? 5. Ничего иррационального в современной политической ситуации обнаружить также не удалось. Кристально чистые российские выборы (в соответствии с предложенной экономической аналогией — полный отказ от налогового давления и внеплановых проверок) приведут к процентным сдвигам в распределении продаж разных товаров, но не подорвут позиции доминирующих брендов. Недаром «белоленточники» быстро перешли к требованиям слома самой системы (по аналогии — «долой супермаркеты, да здравствуют лавочки шаговой доступности»). 6. Абсентеизм может быть вполне рациональной стратегией («единственный способ выиграть в лотерее, — это в ней не участвовать»). 7. Утверждение об участии в выборах как признаке образованности и рациональности граждан довольно сомнительно, все зависит от конкретных обстоятельств.

Литература

1. Ахременко А. С. Пространственное моделирование электорального выбора: развитие, современные проблемы и перспективы (I) // Полит. исслед. 2007. № 1. С. 153–167.
2. Ковров В. Ф. Электоральная социология: учеб. пособие. Уфа: РИО Баш. гос. ун-та, 2005. 176 с.
3. Пушкарева Г. В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // Полит. исслед. 2003. № 3. С. 120–130.
4. Сысоева Н. А., Новокрепцов А. В., Фахрутдинова А. З. Электоральное поведение: американские теории и российская практика. Красноярск: [Б. и.], 2001. 256, [1] с.
5. Проказин В. В., Гревцев С. В., Андреева М. Г., Ильина Е. В. Электоральное поведение амурчан: анализ результатов социологических исследований. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2006. 74 с.
6. Казаков Е. А. Социальная база поддержки ЛДПР и В. В. Жириновского на выборах 12.12.1993 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социол. и политология. 1995. № 2. С. 121–126.
7. Михайловская И., Кузьминский Е. Итоги выборов в Государственную Думу России: вариант анализа и объяснения // Конституц. право: восточноевроп. обозрение. 1993. № 1/4. С. 10–15.
8. Гудина Ю. В. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика // Полит. исслед. 2003. № 1. С. 112–123.
9. Выборы в России и во Франции: уроки для политической науки / сост. Л. З. Якупова // Полит. исслед. 2004. № 1. С. 178–180.
10. Кочкина Е. В. Российский электорат: демографический разрыв как политический ресурс гендерной сегментации // Женщина в российском обществе. 2006. № 3. С. 47–60.
11. Гендерные аспекты политической социологии: учеб. пособие для студентов вузов / Айвазова С. Г., Зерилли Л. М., Кертман Г. Л., Кочкина Е. В., Кэрролл С. Д., Хасбулатова О. А. / под ред. С. Г. Айвазовой, О. А. Хасбулатовой. М.: РОССПЭН, 2004. 238, [2] с.
12. Измайлов В. З. Электоральное поведение: (мотивационно-технологический аспект). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004. 195 с.
13. Охременко И. В. Электоральное поведение: теория вопроса: учеб. пособие: в 2 ч. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 52; 56 с.

References

1. Akhremenko A. S. Prostranstvennoe modelirovanie elektoral'nogo vybora: razvitie, sovremennyye problemy i perspektivy (I) [Spatial Modeling of Electoral Choice: Development, Modern Problems and Prospects (I)]. *Polit. issled. [Political Studies]*, 2007, no. 1, pp. 153–167. (In Russian)
2. Kovrov V. F. *Elektoral'naiia sotsiologiia: ucheb. posobie* [Electoral Sociology: Textbook]. Ufa, RIO Bash. gos. un-ta, 2005. 176 p. (In Russian)

3. Pushkareva G. V. Izuchenie elektoral'nogo povedeniia: kontury kognitivnoi modeli [The study of electoral behavior: the contours of the cognitive model]. *Polit. issled. [Political Studies]*, 2003, no. 3, pp. 120–130. (In Russian)
4. Sysoeva N. A., Novokreshchenov A. V., Fakhrutdinova A. Z. *Elektoral'noe povedenie: amerikanskii teorii i rossiiskaia praktika [Electoral behavior: the theory of the American and Russian practice]*. Krasnoiar'sk, 2001. 256 p. (In Russian)
5. Prokazin V. V., Grevtsev S. V., Andreeva M. G., Il'ina E. V. *Elektoral'noe povedenie amurchan: analiz rezul'tatov sotsiologicheskikh issledovaniy [Electoral behavior amurchan: analysis of the results of sociological research]*. Blagoveshchensk, Izd-vo AmGU, 2006. 74 p. (In Russian)
6. Kazakov E. A. Sotsial'naiia baza podderzhki LDPR i V. V. Zhirinovskogo na vyborakh 12.12.1993 g. [The social base of support for the Liberal Democratic Party Vladimir Zhirinovskiy and the elections of the year 12/12/1993]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiol. i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]*, 1995, no. 2, pp. 121–126. (In Russian)
7. Mikhailovskaia I., Kuz'minskii E. Itogi vyborov v Gosudarstvennuu Dumu Rossii: variant analiza i ob'iasneniia [Results of elections to the State Duma of Russia: the version of the analysis and explanation]. *Konstituts. pravo: vostochnoevrope. obozrenie [Constitutional law: the East European Review]*, 1993, no. 1/4, pp. 10–15. (In Russian)
8. Gudina Iu. V. Aktivnost' rossiiskikh izbiratelei: teoreticheskie modeli i praktika [The activity of Russian voters: theoretical models and practice]. *Polit. issled. [Political Studies]*, 2003, no. 1, pp. 112–123. (In Russian)
9. Vybory v Rossii i vo Frantsii: uroki dlia politicheskoi nauki [Elections in Russia and in France: Lessons for Political Science]. Sost. L. Z. Iakupova. *Polit. issled. [Political Studies]*, 2004, no. 1, pp. 178–180. (In Russian)
10. Kochkina E. V. Rossiiskii elektorat: demograficheskii razryv kak politicheskii resurs gendernoi segmentatsii [Russian electorate: the demographic gap as a political resource of gender segmentation]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [Woman in Russian society]*, 2006, no. 3, pp. 47–60. (In Russian)
11. Aivazova S. G., Zerilli L. M., Kertman G. L., Kochkina E. V., Kerroll S. D., Khasbulatova O. A. *Gendernye aspekty politicheskoi sotsiologii: ucheb. posobie dlia studentov vuzov [Gender aspects of political sociology: Textbook for students]*. Eds. S. G. Aivazovoi, O. A. Khasbulatovoi. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 238 p. (In Russian)
12. Izmailov V. Z. *Elektoral'noe povedenie: (motivatsionno-tekhnologicheskii aspekt) [Electoral behavior (motivational and technological aspect)]*. Krasnodar, Kuban. gos. un-t Publ., 2004. 195 p. (In Russian)
13. Okhremenko I. V. *Elektoral'noe povedenie: teoriia voprosa: ucheb. posobie: v 2 ch. [Electoral behavior: theory questions: Textbook: In 2 parts]*. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002, pt. I. 52 p.; pt. II. 56 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2015 г.

Контактная информация

Шевцов Алексей Владимирович — доктор филологических наук, доцент, профессор;
monografia.schevtsov@yandex.ru

Shevtsov Aleksey V. — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor;
monografia.schevtsov@yandex.ru